

УДК 130.2

ББК 71.0

DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-5-464-474

Б.Г. СОКОЛОВ, А.М. АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ТОПОСОВ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Борис Георгиевич Соколов,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, кафедра культурологии,
философии культуры и эстетики,
заведующий, профессор
Менделеевская линия, д. 5,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

доктор философских наук, профессор
ORCID 0000-0002-4614-0602; SPIN 7633-8855
E-mail: b.g.sokolov@spbu.ru

Анатолий Михайлович Алексеев-Апраксин,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, кафедра культурологии,
философии культуры и эстетики,
доцент
Менделеевская линия, д. 5,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Высшая школа печати и медиатехнологий,
профессор
Джамбула пер., д. 13,
Санкт-Петербург, 191180, Россия

доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0002-5009-1110; SPIN 7617-0330
E-mail: a.alekseev-apraksin@spbu.ru

Реферат. Статья посвящена трансформациям культуры, причины которых авторы связывают с глобальным развитием информационно-коммуникационных технологий, транскультурным номадизмом, а также с виртуализацией культурных практик и кластеризацией сознания, по-новому сегментирующих культурную реальность. В статье рассматриваются варианты понимания и использования понятия кластер в науке, политике, экономике, дается его культурологическое определение. К анализу феномена кластерного сознания привлекаются культурфилософские, структурные и герменевтические подходы. Обращаясь к положениям И. Канта, З. Фрейда, М. Хайдеггера, М. Маклюэна, К. Ратти, М. Клодела и др., авторы исследуют культурные изменения и аргументируют тезис о том, что сознание современного человека работает в режиме расщепления культурной реальности и конституирования мира по кластерному типу. Делается вывод, что современная культурная реальность обретает вид глобальной мультиплексной сети и имеет кластерные

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00977 «Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика».

децентрализованные формы организации. Развертываясь как временное и логическое единство событий, она формирует идентичность участвующих в нем субъектов и может трактоваться как ключевой фактор, обуславливающий культурные диффузии современного мира. Иллюстрацией рассуждений служат примеры развития туристической индустрии, кластерные способы организации культурных пространств, концепция «не-места» М. Оже и другие сценарии функционирования объектов культурного наследия по новым символическим параметрам. Авторы показывают, что в результате экзистенциальной перекодировки мест туристического паломничества миллионы людей получают лишь эрзац той культуры, ради знакомства с которой они предприняли то или иное путешествие, а само местное население лишается того символического и культурного ядра и памяти, которые обеспечивают преемственность и аутентичность местной культуры.

Ключевые слова: кластерная реальность, кластерное сознание, «не-место», туризм, культурные топосы, объекты культурного наследия, философия культуры.

Для цитирования: Соколов Б.Г., Алексеев-Апраксин А.М. Кластеризация топосов культурной реальности // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 5. С. 464–474. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-5-464-474.

Стремительные культурные изменения, во времена которых мы живем, заметны в общественной жизни, экономике, в образовании, художественной культуре, на уровне повседневных практик. Одна из причин этих изменений многими исследователями связывается с глобальным развитием информационно-коммуникационных технологий. Другая причина обнаруживается в повышении мобильности, активизации постоянных и временных миграций, а также в развитии обеспечивающего выживание и статус в обществе транскультурного номадизма. Третья причина изменений — кластеризация сознания и культуры,

которая проявляется в перераспределении связей, глокализации стратегий, виртуализации культурных практик и других процессов, которые по-новому сегментируют культурную реальность, не сдерживаясь более ни языком, ни даже половой или этнической принадлежностью.

Наблюдения за тотальными социокультурными трансформациями позволяют увидеть весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, мир становится все более тесным, связанным и прозрачным. Шуточная гипотеза венгерского писателя Фридьеша Эрнё Каринти, без малого сто лет назад заявившего о том, что всех нас разделяют «шесть рукопожатий» [1], находит свои подтверждения. Например, проведенные в 2016 г. исследования в Facebook показали, что расстояние между любыми случайными членами глобальной Сети, соединяющей на тот момент 1,56 млрд человек, в среднем составляют 3,57 посредника [2]. При этом сравнения с предыдущими исследованиями позволили зафиксировать, что чем шире Сеть становится, тем более короткими оказываются связывающие пути. В современном цивилизованном мире, по словам Герберта Маршалла Маклюэна, в «глобальной деревне» [3] все связаны со всеми. С другой стороны, мир культуры расширяется. К сохранившимся до нашего времени этнокультурам добавляются тысячи новых «сцен», «племен», «потоков», «стилей жизни». Как бы мы ни определяли эти новые виды солидарности, следует признать, что у многих из них имеется свой язык, ритуал, символика, искусство, одобряемые потребности, табу, способы и структуры общения. Возникая из культурного синтеза реальных и вымышленных миров, они дробят глобальный мир на самобытные кластеры, порождают новые синтезы и идентичности. Они так или иначе множат культурную реальность. Тема эта чрезвычайно широка, интересна и перспективна для исследований. В данной статье мы рассмотрим лишь некоторые из связанных с ней проблем: понимание титула «кластер» в культурологии, формирование кластерного сознания и режимы функционирования территориальных культурных кластеров.

КЛАСТЕРНОЕ СОЗНАНИЕ

Культурные трансформации происходят не только во внешнем мироустройстве, но и во внутренней жизни человека. Они меняют его сознание. Однако до сих пор неясно не только то, что с сознанием происходит, никто вообще до конца не понимает, что есть сознание индивида. Это можно утверждать, несмотря на многочисленные победные реляции ученых и достижения, в том числе и в сфере нейробиологии и психологии. Впрочем, это, возможно не так уж плохо. Наша жизнь и так день ото дня становится все более открытой для наблюдения. Если будет получен такой же доступ к нашему сознанию (если это вообще реально), если будет определен механизм, «внутренняя логика», пределы и возможности сознания, в это же мгновение мы сразу «превратимся» в управляемых рабов. Учитывая скорость, с какой сейчас транслируются любые достижения и любое знание с помощью глобальных средств коммуникации, а также широкий арсенал практик воздействия и манипулирования сознанием, если это произойдет, человечество в мгновение ока превратится в театр управляемых марионеток. А потому повторим: не так уж плохо, что наука не понимает или не до конца понимает механизмы сознания, а пессимизм в отношении постижения того, что такое сознание, имеет вполне оптимистическое следствие — нерешенность проблемы сознания хранит нашу свободу и нашу человечность. Иными словами, несмотря на многочисленные достижения и прозрения поколений исследователей, сознание продолжает представляться неким «черным ящиком», который «производит» мысль и обеспечивает выстраивание нашего жизненного мира.

Можно и нужно, например, вслед за И. Кантом [4] фиксировать в индивидуальном сознании некие общие механизмы его функционирования, наличие априорных форм для «работы» с чувственностью, трансцендентальные схемы или вслед за З. Фрейдом [5, с. 415] говорить о доминирующих императивах, всплывающих из бездны несхватываемого и функционирующего вне времени бессозна-

тельного¹. Можно, например, вооружившись инструментарием точных наук, биологии, выявлять зоны, ответственные за те или иные процессы. Впрочем, все это не гарантирует нам, что в каком-то определенном индивидуальном сознании будет порождена строго определенная мысль или желание. Механизм порождения мысли — прихотливый, индивидуально-сингулярный — остается тайной за семью печатями. Это же можно сказать и о типаже сознания, т. е. о некоем общем типе сознания, которое свойственно представителям той или иной культурной традиции. Мы можем говорить лишь о каких-то общих культурно-исторически фундируемых механизмах и стилях мышления, которыми обладают представители той или иной культурной общности, а также выделять некие доминирующие способы восприятия реальности, общую символическую номенклатуру и т. п. Однако окончательной определенности ни в том, что такое индивидуальное сознание, ни в том, что такое культурно-исторический тип сознания, научное знание пока не достигло.

Что же делать, если все так неопределенно? Просто констатировать, что мы ничего толком не можем сказать о сознании и довольствоваться той самопонятностью для каждого из нас относительно индивидуального сознания и культурно-исторического типажа сознания? Не самый лучший сценарий. Тем более что метод, который позволяет зафиксировать «неуловимые», «мгновенные», «текущие» и, главное, предельно субъективные формы, архетипы, логику движения сознания и т. п., все же есть. Дело в том, что сознание результативно. Оно отпечатывается как во внешних предметах, на которые воздействует человек или которые он создает, так и в поступках человека, в создаваемых им социальных инстанциях, в произведениях искусства и т. п. А вот эти-то, иногда зримые и «неподвижные» слепки с трудно уловимых форм и механизмов сознания могут быть подвергнуты вполне научной реф-

¹ В работе «По ту сторону принципа удовольствия» З. Фрейд писал: «Мы установили, что бессознательные душевные процессы сами по себе находятся “вне времени”. Это прежде всего означает то, что они не упорядочены во времени, что время ничего в них не изменяет, что представление о времени нельзя применить к ним» [5, с. 415].

лекции. Иначе говоря, сознание отпечатывает свои трудно схватываемые для естественно-научного оперирования и верификации формы в реально созданных руками человека предметах, действиях отдельных индивидов или социальных групп, культурных и социальных институтах. Эти «отпечатки» действия сознания могут быть проанализированы с помощью структурной и герменевтической методологии. Именно подобным подходом мы и постараемся воспользоваться в данном тексте, анализируя тот типаж современного сознания, который маркируют как кластерное, шизоидное, глобализационное, постиндустриальное и т. п. Все указанные титулы относятся к тому новому типу сознания, которое еще не окончательно приняло свой «классический» вид, но находится в процессе формирования вместе с той реальностью, которая сейчас переживает эпоху кардинальной трансформации и символического перестроения.

Современная культура, создаваемая в ситуации «дефицита реальности», формирует новый тип человека, который в современном гуманитарном знании определяется как Digital Man [6, с. 187], или постчеловек. «Постчеловек — это создание, рожденное в условиях такой бинарности, в мире цифрового и материального, слитых воедино, где ментальное и социальное существование каждого индивидуума осуществляется, поддерживается и совершенствуется с помощью технологий. Помимо индивидуальных, личных взаимосвязей, глобальное использование смартфонов — массовых мобильных коммуникаций — свидетельствует о коллективном социальном сдвиге. Более половины населения земли постоянно находятся на связи. Персональные устройства служат порталом для вынесения человеческого вовне и преумножения его до бесконечности. Протезы-смартфоны глубоко проникли в общество вместе с беспроводными коммуникациями, открывая путь новому сетевому гуманизму» [7]. Однако подобно тому, как окружающий нас городской ландшафт или вещи, которыми мы пользуемся, содержат в себе довольно значительные пространства прежних эпох и культур, так и в современное кластерное сознание вмонтированы формы и механизмы давно ушедших эпох и культур, что, без сомне-

ния, затрудняет его анализ. Мы будем говорить поэтому лишь об общих контурах этого нового типа сознания и о его пока еще не очень «застывших» и сложившихся основных механизмах и формах, учитывая, что в нем можно обнаружить следы давно ушедших культур, эпох и соответствующих им моделей, механизмов, форм сознаний.

Итак, кластерное сознание. Основной тезис, который мы постараемся аргументировать, следующий: современное кластерное сознание — это деструктивное по своей сути сознание, работающее в режиме расщепления реальности и конституирующее окружающий мир по типу кластера. Именно по причине его явных деструктивных тенденций современное сознание маркируют как шизоидное, имея в виду, конечно, не «клиническую» картину, но доминирование расщепляющих механизмов конституирования реальности, а также то, что осуществляемое этим сознанием определение феноменов собирает их как не обладающих стабильностью и фиксированностью образования.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК «НЕ-МЕСТА»

Сам титул «кластер» даже как политический и экономический «слоган» — несмотря на свою кажущуюся «самопонятность» и «бесконечность» использования, который мы применили для характеристики-именования современного сознания, нуждается в особом прояснении. С одной стороны, из средств массовой информации и Интернета мы постоянно получаем упоминания о кластере: «Дебютная конференция кластерного развития прошла на Камчатке» [8], «Подписи под соглашением поставили старший вице-президент — финансовый директор “Норникеля” Сергей Малышев и вице-президент фонда “Сколково”, исполнительный директор кластера передовых производственных, ядерных и космических технологий Алексей Беляков» [9] и т. д. Кроме того, при правительствах мегаполисов и республик

организуются разнообразные центры кластерного развития. С другой стороны, самопонятность — чаще всего смутная и не очень отрефлексируемая — прячет существенное и важное. То, что фиксируется как «очевидное», «само-собой-разумеющееся», «распространенное», всегда должно, благодаря известным прозрениям китайских стратегов и философов, настораживать и привлекать философскую озабоченность. Вспомним пассажи М. Хайдеггера из самого начала «Бытия и времени», где, конечно, говорится не о самопонятности титула «кластер», но о самопонятности «бытия»: «Бытие есть само собой разумеющееся понятие. Во всяком познании, высказывании, во всяком отношении к сущему, во всяком к-себе-самому-отношении делается употребление из “бытия”, причем это выражение “безо всяких” понятно... Однако эта средняя понятность лишь демонстрирует непонятность. Она делает очевидным, что во всяком отношении и бытии к сущему как сущему *argot* лежит загадка. Что мы всегда уже живем в некой бытийной понятливости и смысл бытия вместе с тем окутан тьмой, доказывает принципиальную необходимость возобновления вопроса о смысле “бытия”» [10, с. 4]. Конечно, кластер — не бытие, а потому его онтический смысл представляется менее существенным, но это не означает, что его онтическое (и, соответственно, онтологическое и культурфилософское) значение незначительно. Как раз наоборот: в современной онтической диспозиции «кластер» как «схема» выстраивания сущего, как онтический императив представляется крайне важной характеристикой, или, как выразился бы процитированный только что М. Хайдеггер: титул «кластер» должен занять вполне достойное место не только на страницах новостей, но и в сфере описания онтических процессов. Возможно, именно маркировка кластера как «общего места» и «самопонятного» сюжета как раз и вызвана тем, что он по праву обладает онтической и культурной значимостью, а уж его экономическая и политическая значимость вторична.

Следует отметить, что понятие «кластер» начало использоваться в метадискурсе сравнительно недавно, причем почти сразу довольно

в разных областях, и смысл того, что понимают под кластером в различных сферах науки, политике и экономике, значительно разнится. Единого значения и «единомыслия» не существует [11–16]. «Объединяет» прихотливую палитру использования понятия «кластер» лишь обозначение общности, группы. В культурологическом ключе кластер, пожалуй, следует трактовать либо топологически, понимая под ним набор общих свойств, которые мы можем приписать части субъектов отношений, выявляя тот или иной компонент сети взаимодействий, исходя из любого интересующего нас принципа (регионального, исторического, языкового, отраслевого, религиозного, профессионального и т. д.). Либо хронологически, в контексте рассмотрения культурной динамики — как «временное и логическое единство события, формирующее идентичность участвующих в нем субъектов» [17 с. 414]. Поскольку большинство социокультурных сетей неоднородны и децентрализованы [18], можно говорить об их кластеризованности. Причины, которые приводят к кластеризации сетей — экономия ресурсов и забота об увеличении эффективности совместной деятельности. Однако в прагматическом проектировании этот доминирующий принцип организации культуры сегодня акцентируется лишь на экономическом, инфраструктурном и технологическом понимании развития пространственно локализованных культурных процессов.

Прагматическая «конкиста» понимания термина «кластер» отражается широким медийным дискурсом. В нем под кластером обычно имеется в виду не просто некий произвольно выбранный сегмент целого, а особого рода обособление, которое существенно разнится от пространственной замкнутости территорий доинформационной культуры. Речь идет фактически о существенном сдвиге, смещении в формах пространственного обособления, которое несет совершенно иное символическое значение и иную модель экзистенциального проживания: сама «замкнутость» в эпоху тотальной прозрачности и мгновенных коммуникативных путей обладает совершенно иным смыслом, нежели, например, обособленность колониального

анклава или групп фабрик или заводов в индустриальную эпоху. Специфика подобных территориальных обособлений, определенных нами как территориальные кластеры, заключается в том, что она не формирует укорененности у пребывающих или обитающих в этих пространствах людей.

Марк Оже маркирует такие локации как «не-места». «Не-места — это и сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места долговременного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты» [19, с. 41]. «Не-места» внедряются повсюду — это и современное офисное пространство, и цеха с автоматизированной «лего-сборкой» продукта. Это и место обитания, которое все больше и больше «срачивается» с работой (удаленный доступ, домашний «аутсорсинг») и отелем (молодые «номады» постиндустриальной эпохи предпочитают съемное жилье или отель). Эти «не-места» перекодируют, децентрируют и «символически кастрируют» прежнее традиционалистское пространство. В этом и заключается деструктивность расщепляющего воздействия кластерной модели реальности и, коррелятивно, кластерного сознания современности, именно таким образом переформирующего или десементирующего прежние как иерархические, так и «горизонтальные» модели выстраивания символического пространства обитания человека.

Один из показательных примеров — это так называемый туристический кластер. Территория, на которой сконцентрирована вся номенклатура современной туристической индустрии — от гостиниц, пляжей, развлекательных заведений и культурно значимых объектов до связанных с ними аэропортов, трансферных перевозок, больниц и т. п. Например, курортные зоны, в которых все ориентировано на туристический бизнес, с современной инфраструктурой, налаженной «логистикой» поставок «европеизированных» услуг, питания, развлечений, экскурсий и т. п. Эта, как правило, отделенная от основной территории туристическая «резервация» получает определенные налоговые преференции. В ней действуют

особые законы, ослаблены нормы и традиции государства. Власть заинтересована в значительных финансовых поступлениях, а потому либо закрепляет на законодательном уровне «исключения» из общих правил, либо — что чаще всего — смотрит снисходительно на нарушения и отклонения.

Кластеры турбизнеса, включая музейные объекты как необходимый атрибут рекреации, без сомнения, являются теми анклавами, которые служат своеобразными проводниками западных стандартов и достижений в различных сферах. От логистики и дорожного строительства до финансов и обустройства комфортной по лекалам современной эргономики среды обитания. Не надо быть особым знатоком культуры или современных технологических новаций, чтобы, оказавшись в курортной зоне или «топовых» местах культурного туризма, не почувствовать на себе действие нивелирующих под единый европейский стандарт процедур тотальной кластеризации и выравнивания. В самом деле, западный или отечественный турист, оказавшись на территории отеля в Турции, Мексике или Шри-Ланке, вряд ли почувствует существенную разницу в «хрестоматийном» наборе соответствующих услуг. Не заметит он и значимых различий в мебелировке и расстановке стандартных номеров проживания, распорядке дня и меню отельных и других ресторанов, кафе или многочисленных сетевых фаст-фудов. Приезжающие туристы оказываются в пространстве, скопированном с европейской туристической и бытовой сферы и растиражированном по всему миру, а потому чувствуют себя комфортно в родном и привычном мире, правда, с некоторым местным колоритом, придающим этой новой «экзотике» легкий шарм новизны, но не более того. В свою очередь, для многих развивающихся стран туристические анклавы, а также пользующиеся спросом у туристов места культурного наследия становятся зонами мощнейшего воздействия западного мира, расщепляющего и лишаящего аутентичного символизма прежний мир «аборигена». Причем воздействия комплексного, ибо речь идет о перекодировке и символическом переосмыслении повседневного обитания и бытования.

Аутентичный ландшафт и местное население в туристических зонах пропускаются через мощнейшие по своей результативности процедуры перекодировки и трансформации. Подобно тому, как в эпоху колониализма топосы внедрения европейской культуры были ограничены столичным регионом или местами добычи полезных ископаемых, современные туристические анклавы представляют собой зоны воздействия и влияния глобализационной культуры, переформатирующей местный ландшафт и местное население по определенному стандарту. И речь идет не только о культурах Азии или Африки, сходные процессы происходили немного ранее и происходят в Европе (европейская культура — первая жертва расщепляющего воздействия глобализации). Вот как об этом говорит М. Оже, различая антропологическое место и современные пространства проживания, все больше и больше тяготеющие в своем смысловом значении к тому, что в его терминологии маркируется как «не-места». «Обитатель антропологического места живет в истории, а не творит ее. Разница между этими двумя отношениями к истории, возможно, еще очевидна для французов моего возраста, что застали 1940-е годы и могли видеть в своих деревнях (пусть и бывших для них лишь местом проведения летних каникул) празднование Дня святых даров, Крестный ход и молебен об урожае или ежегодное празднование дня того или иного святого — покровителя места, чья статуя всегда находилась в тени одиноко стоящей часовни: ведь если эти обычаи исчезли, воспоминания о них не просто говорят нам — как и другие воспоминания детства — о течении времени или изменениях, происходящих с нами. Они исчезают по существу, вернее, трансформируются: до сих пор отмечается время от времени тот или иной праздник, “как в старину”, наподобие ежегодной летней реконструкции традиционного обмолота зерна. В восстановленной часовне иногда дают концерты или спектакли. Эта мизансцена, конечно, не обходится без нескольких смущенных улыбок или сравнений со старыми временами у местных старожилов: места, в которых они некогда жили обычной повседневной жизнью, отделяются

ею и предлагаются зрителям в качестве “кусочка истории”. Ставшие наблюдателями самих себя и туристами в своих собственных родных краях, они не смогут списать на ностальгию или воображаемую память те изменения, о которых объективно свидетельствует пространство, где они по-прежнему живут, но которое больше не является местом, где они жили» [19, с. 60–61].

Конечно, местный «колорит» и местный культурный и повседневный «акцент» отчасти сохраняются, но, скорее, в виде и формате допустимой и поощряемой экзотики, приносящей дополнительные коммерческие дивиденды, ибо вносят в сферу предоставляемых услуг якобы уникальный колорит местной культуры. Однако подобный колорит аборигенной культуры «работает» чаще всего в симуляционном режиме, уже не сохраняющем аутентичного символического значения и, кроме того, выступающем своеобразной адаптированной версией исходного феномена. Причем, как уже было указано, симуляция разворачивается как в направлении «потребителей» туристического продукта, так и в направлении самого исходного феномена. Так турист, лицемерящий, а иногда даже принимающий участие в каком-либо местном ритуальном действии, вряд ли способен проникнуться всей символической, а подчас и сакральной значимостью происходящего. В свою очередь, само ритуальное действие, «сыгранное» на потеху туристам, уже лишено своего исходного смысла и значения. Бедуин, «работающий» бедуином для туристов, уже не бедуин, а наемный рабочий туристического кластера, симулирующий «бедуинность».

Города, дворцы, общественные здания, крепости, археологические руины становятся сегодня местом совершенно иной (по сравнению с традиционной) культурно-символической контекстуальности. Одно дело — дворец или замок, в котором жило не одно поколение знати, а другое — объект туристического «паломничества», когда каждый желающий за определенную плату на время и по совершенно иным причинам, нежели исконные обитатели этих помещений, оказывается на небольшой промежуток времени в этих пространствах. В первом случае место

экзистенциально обживается как свое, родное, близкое, тесно связанное, а во втором — как временное и экзистенциально чуждое. Происходящая сборка данного феномена (дворец, замок, церковь и т. п.) оказывается совершенно иной, как иным оказывается и символический горизонт, который необходимым образом присутствует в любом феномене культуры. Соответственно, изменяется сам ландшафт бытования, а также смысл тех предметов, зданий, дорог и других объектов, которые оказываются перекодированы по новым символическим и экзистенциальным параметрам. Все это приводит не столько к сбережению и сохранению аутентичной контекстуальности того или иного места (что использует риторика, оправдывающая тотальную экспансию музейного пространства и необходимость консервации аутентичных памятников старины), сколько к тотальной перекодировке и символическим сдвигам. Все это позволяет воспринимать туристические объекты и соответствующие кластеры не как «манифестацию аутентичности» той или иной культуры, а как симуляционный фасад, не скрывающий за собой ничего, кроме ставшей унифицированной глобальной «экзотики».

В результате подобной символической и экзистенциальной перекодировки миллионы путешественников получают лишь эрзац той культуры, ради знакомства с которой они предприняли путешествие, а само местное население лишается того символического и культурного ядра и памяти, которое обеспечивает преемственность и аутентичность. Происходит процесс тотальной изоляции: местного населения от своего прошлого и своих корней, а путешественников — от мест, где могла бы произойти встреча с иным. В результате и первые (путешественники), и вторые (местное население) получают в принципе одно и то же: вирулентные «не-места», которые, «поселившись» в голове и одних, и других, продолжают дальнейшее кластерное расщепление окружающего мира. Из этого можно сделать вывод, что последствия для стран, в которых разворачиваются туристические зоны, не столь уж однозначно позитивны, если, конечно, не ориентироваться только на коммерческую вы-

году и привлекательность турбизнеса. Турзоны — отнюдь не места для развития науки, искусства и прочих видов культурного развития. Скорее, это часть индустрии развлечения, причем подчас не особо «высоконравственного толка», а потому оказывающего на рядом живущее и участвующее в обслуживании население скорее «развращающее» влияние, чем «самоактуализирующее», основанное на свободном доступе к значимым достижениям культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современная социокультурная реальность стремительно трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных технологий, виртуализации культурных практик. Она имеет вид глобальной мультиплексной сети и кластерные децентрализованные формы организации. При этом культурные изменения захватывают не только внешний мир, но и сознание человека.

2. Определенности ни в том, что такое индивидуальное сознание, ни в том, что такое культурно-исторический тип сознания, научное знание пока не достигло. Выявить ряд характеристик сознания можно по отпечаткам его деятельности в словах, предметах, действиях отдельных индивидов или социальных групп, культурных и социальных институтах. Кластерное сознание — это деструктивное по своей сути сознание, работающее в режиме расщепления реальности и конституирующее окружающий нас мир по кластерному типу.

3. Понятие «кластер» не имеет устоявшегося общенаучного значения. В культурологическом плане его можно трактовать либо топологически, понимая под ним набор общих свойств, которые мы можем приписать части субъектов отношений или объектов, которым может быть присвоен какой-нибудь смысл, выявляя тот или иной компонент сети, исходя из любого интересующего нас принципа (регионального, исторического, языкового, отраслевого, религиозного, профессионального и т. д.). Либо хронологически, в контексте культурной динамики как временное и логическое единство события,

формирующее идентичность участвующих в нем субъектов, и соответственно как процесс, обуславливающий культурные диффузии. Однако в современном прагматическом проектировании этот доминирующий принцип организации культуры сводится к экономическому и технологическому пониманию развития культурных процессов. Кластеризация понимается лишь как экономия ресурсов и забота об увеличении эффективности совместной деятельности.

4. Социокультурная инженерия, опирающаяся на сетевые и кластерные модели организации, имеет следствием создание «не-мест». Вне сферы прагматики такой подход имеет множество негативных последствий. Например, в «деле» современной туристической индустрии она оказывается симуляционной для путешественников и деструктивной для местных жителей, препятствуя их развитию и самоактуализации. Данный «онтический» сценарий разворачивается повсюду при поддержке властных администраций, СМИ, миллиардных вложений и, конечно, образования, ориентированного на дрессуру транскультурного номадического сознания, на формирование человека, которому предстоит бесконечный «серфинг» по изменчивым коммуникационным каналам и самоорганизующимся течениям мультиплексной кластерной культуры.

Список источников

1. *Karinthy F. Chain-Links. Everything is Different* [Электронный ресурс]. URL: https://djjr-courses.wdfiles.com/local--files/soc180%3Akarinthy-chain-links/Karinthy-Chain-Links_1929.pdf (дата обращения: 01.10.2019).
2. *Bhagat S., Burke M., Diuk C., Filiz I.O. Three and a half degrees of separation* [Электронный ресурс]. URL: <https://research.fb.com/three-and-a-half-degrees-of-separation> (дата обращения: 23.01.2019).
3. *McLuhan M. Understanding media: the extensions of man*. New York : McGraw Hill, 1964. 359 p.
4. *Кант И. Критика чистого разума*. Москва : Мысль, 1994. 591 с.
5. *Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия*. Москва : Внешторгиздат, 1990. 448 с.
6. *Голик Н.В. Императив Просвещения в эпоху цифровой коммуникации* // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего (Труды XXI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2018). 2018. № 2. С. 187–194.
7. *Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни*. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 102–103.
8. Дебютная конференция кластерного развития прошла на Камчатке // Камчатка-Информ: информационно-аналитический портал. URL: http://kamchatinfo.com/news/economics_and_business/detail/27547/ (дата обращения 21.01.2019).
9. Инвестиции в «Цифровую лабораторию Норникеля» на 2019–2021 гг. составят 350 млн рублей [Электронный ресурс] // НИА: Независимое информационное агентство. Красноярск. URL: <http://24rus.ru/news/economy/158723.html> (дата обращения: 01.10.2019).
10. *Хайдеггер М. Бытие и время*. Москва : Ad Marginem, 1997. 451 с.
11. *Чистякова К.А., Овчинникова Н.В. Кластеризация как способ идентификации кросс-культурных особенностей в условиях изменения корпоративной культуры* // Вестник РГГУ. Серия : Экономика. Управление. Право. 2016. № 2 (4). С. 61–70.
12. *Сапрыкина А.Н. Кластеры в сфере культуры: необходимость формирования и особенности создания* // Вопросы управления. 2014. № 2 (27). С. 152–156.
13. *Аныхтин А.В., Ноговицын Н.О. Кластер как форма организации текста — произведение как инобытие текстуального* // Studia Culturae. 2018. Вып. 4 (38). С. 7–24.
14. *Прозерский В.В. Кластерный анализ неклассической эстетики* // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4 (33). С. 243–252.
15. *Радеев А.Е. Кластерный подход к искусству как парадигма анализа искусства* // Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2018 : тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. Санкт-Петербург : НП-Принт, 2018. 938 с.
16. *Черных О.Н. Кластерный аспект сетевых взаимодействий* // Studia Culturae. 2018. № 4 (38). С. 52–61.

17. Алексеев-Апраксин А.М., Богданова Р.Ю. Кластерный подход в отечественной урбанистике // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 4. С. 413–421. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421.
18. Алексеев-Апраксин А.М. Перспективы сетевой парадигмы в исследовании транскультурных процессов // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4 (33). С. 6–19.
19. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

Clustering of Cultural Reality Topoi

Boris G. Sokolov ^{1a*},
Anatoly M. Alekseev-Apraksin ^{1,2b**}

¹ Saint Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 13, Dzhambula Lane, Saint Petersburg, 191180, Russia

^a ORCID 0000-0002-4614-0602; SPIN 7633-8855

^b ORCID 0000-0002-5009-1110; SPIN 7617-0330

E-mail: * b.g.sokolov@spbu.ru,

** a.alekseev-apraksin@spbu.ru

Abstract. *The article is devoted to cultural transformations, which are associated, by the authors opinion, with the global development of information and communication technologies, transcultural nomadism, as well as with the virtualization of cultural practices and clustering of consciousness, which segment cultural reality in a new way. The article examines the options for understanding and using the concept of cluster in science, politics, economics, and gives its cultural definition. The analysis of the cluster consciousness phenomenon involves the cultural-philosophical, structural, and hermeneutic approaches. Referring to the positions of I. Kant, S. Freud, M. Heidegger, M. McLuhan, C. Ratti, M. Claudel and others, the authors investigate cultural changes and argue the thesis that modern human consciousness works in the mode of splitting the cultural reality and constituting the world according to the cluster type. The article concludes that the modern cultural reality is taking the form of a global multiplex network, and has some cluster decentralized forms of organization. Unfolding as a temporary and logical unity of events, it forms the identity of the actors involved, and can be interpreted as a key factor in the cultural diffusion of the modern world. These arguments can*

be illustrated by examples of the tourism industry development, cluster ways of organizing cultural spaces, M. Augé's concept of "non-place", and other scenarios of the functioning of cultural heritage objects according to new symbolic parameters. The authors demonstrate that, resulting the existential conversion of the places of tourist pilgrimage, millions of people acquire only an ersatz of the culture for which they have undertaken the journey, and the local population itself is being deprived of the symbolic and cultural core and memory that ensure the continuity and authenticity of the local culture.

Key words: cluster reality, cluster consciousness, "non-place", tourism, cultural topoi, objects of cultural heritage, philosophy of culture.

Citation: Sokolov B.G., Alekseev-Apraksin A.M. Clustering of Cultural Reality Topoi, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 5, pp. 464–474. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-5-464-474.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00977 "Cluster Culture: Research Strategies and Philosophical Analytics"

References

1. Karinthy F. *Chain-Links. Everything is Different*. Available at: https://djjr-courses.wdfiles.com/local--files/soc180%3Akarinthy-chain-links/Karinthy-Chain-Links_1929.pdf (accessed 01.10.2019).
2. Bhagat S., Burke M., Diuk C., Filiz I.O. *Three and a Half Degrees of Separation*. Available at: <https://research.fb.com/three-and-a-half-degrees-of-separation> (accessed 23.01.2019).
3. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York, McGraw Hill Publ., 1964, 359 p.

4. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 591 p.
5. Freud S. *Po tu storonu printsipa udovol'stviya* [Beyond the Pleasure Principle]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1990, 448 p.
6. Golik N.V. The Imperative of Enlightenment in the Age of Digital Communication, *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego (Trudy XXI Mezhdunarodnoi ob"edinennoi nauchnoi konferentsii "Internet i sovremennoe obshchestvo", IMS-2018)* [Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future (Proceedings of the 21st International Joint Scientific Conference "Internet and Modern Society", IMS-2018)], 2018, no. 2, pp. 187–194 (in Russ.).
7. Ratti C., Claudel M. *Gorod zavtrashnego dnya: sensory, seti, khakery i budushchee gorodskoi zhizni* [The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life]. Moscow, Instituta Gaidara Publ., 2018, pp. 102–103 (in Russ.).
8. A Debut Conference of Cluster Development Was Held in Kamchatka, *Kamchatka-Inform: informatsionno-analiticheskii portal* [Kamchatka-Inform: information and analytical portal]. Available at: http://kamchatinfo.com/news/economics_and_business/detail/27547/ (accessed 21.01.2019) (in Russ.).
9. Investments in the "Digital Laboratory of Norilsk Nickel" for 2019–2021 Will Amount to 350 Million Rubles, *NIA: Nezavisimoe informatsionnoe agentstvo* [NIA: Independent News Agency]. Krasnoyarsk. Available at: <http://24rus.ru/news/economy/158723.html> (accessed 01.10.2019) (in Russ.).
10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997, 451 p.
11. Chistyakova K.A., Ovchinnikova N.V. Clustering as a Method of Cross-Cultural Features' Identification during Changes of Corporative Culture, *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law], 2016, no. 2 (4), pp. 61–70 (in Russ.).
12. Saprykina A.N. Clusters in Culture: The Need for the Formation and Characteristics of Creation, *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2014, no. 2 (27), pp. 152–156 (in Russ.).
13. Apykhtin A.V., Nogovitsyn N.O. Cluster as a Form of Text Organization — Production as a Formation of Textual, *Studia Culturae*, 2018, issue 4 (38), pp. 7–24 (in Russ.).
14. Prozorsky V.V. Cluster Analysis of Non-Classical Aesthetics, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2018, no. 4 (33), pp. 243–252 (in Russ.).
15. Radeev A.E. The Cluster Approach to Art as a Paradigm of Art Analysis, *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva — 2018: tezis dokladov VIII Mezhdunarodnoi konferentsii* [Actual Problems of Theory and History of Art — 2018: Abstracts of the 8th International Conference]. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2018, 938 p. (in Russ.).
16. Chernykh O.N. Cluster Aspect of Network Interactions, *Studia Culturae*, 2018, no. 4 (38), pp. 52–61 (in Russ.).
17. Alekseev-Apraksin A.M., Bogdanova R.Yu. The Cluster Approach in Russian Urban Studies, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2018, vol. 15, no. 4, pp. 413–421 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-4-413-421.
18. Alekseev-Apraksin A.M. Prospects of the Network Paradigm in the Study of Transcultural Processes, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2018, no. 4 (33), pp. 6–19 (in Russ.).
19. Augé M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017, 136 p.